

От общефилософской, онтологической проблематики, характерной для повестей 1790-х гг., через ощущение трагического несовершенства современного мироустройства Карамзин приходит к раскрытию своей новой философско-художественной мысли в «Истории государства Российского».

В конце XVIII—начале XIX века интерес к истории необычайно возрос. Философия и мораль, политика и эстетика — все подвергается пересмотру с позиций «исторической истины». Об истории пишутся философские трактаты, над проблемой художественного воплощения истории размышляют Карамзин, Державин и Батюшков, Жуковский и Гнедич. Наиболее вдумчивые критики настоятельно советуют писателям и поэтам «вникать в характер российского народа, в дух российской древности».¹⁰ Поэтому объективно замысел Карамзина как нельзя более соответствовал духу эпохи.

Приступая к работе над «Историей», Карамзин строго определил для себя границы допустимой авторской фантазии, которая не должна была касаться действительных речей и поступков исторических персонажей. «Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости правоучительной, но только истине, которая сама собою делается источником удовольствия и пользы».¹¹ Отвергая «вымысел» как приукрашивание истории, Карамзин вырабатывает основу своего исторического метода как синтез логики факта и эмоционального образа «минувших столетий». Из чего же складывался этот образ? Какова была его эстетическая природа? Противопоставляя историю роману, Карамзин существенно переосмыслил традиционно рационалистическое понятие «истины». Опыт писателя, апеллирующего не только к разуму, но и к чувству в процессе познания действительности, оказался необходим. «Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю».¹² Вот почему задача воспроизвести прошлое в его истинности, не исказив ни одной его черты, ставила перед Карамзиным особые задачи.

В своих размышлениях об истории Карамзин приходил к убеждению, что писать «об Игорях и Всеволодах» надо так, как писал бы современник, «смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неумолимым вниманием, с искренним почтением, и если вместо живых, целых образов представлял единственно тени, в отрывках, то не моя вина: я не мог дополнять летописи!»¹³

¹⁰ См.: *Фомин А.* Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров. Новые данные о них по документам архива Н. П. Тургенева. СПб., 1912, с. 24.

¹¹ История государства Российского, т. 1, с. XIX.

¹² Там же, с. XVII.

¹³ Там же, с. XVI—XVIII.